

К вопросу о переводе поэзии Ветхого Завета

Говоря о переводе поэзии Ветхого Завета, я не буду вдаваться в теоретические вопросы¹. Мой интерес сугубо практический, собственно, меня интересует не теоретический читатель-слушатель, которого воображает себе переводчик, а живой, конкретный потребитель перевода.

Есть ряд моментов, которые хотелось бы обозначить, прежде чем я перейду к практической стороне вопроса, покажу некоторые свои опыты в области перевода поэтических книг Ветхого Завета.

Во-первых, когда мы говорим о переводе поэзии, то, несомненно, если в оригинале есть рифма (она для древнееврейской поэзии скорее случайна, нежели закономерна), ее следует сохранить, поскольку для русской поэзии рифма есть величина именно закономерная и уж во всяком случае ожидаемая, коль скоро речь заходит о поэзии. Это важно для опытов, о которых я скажу ниже.

Например, в моем переводе книги «Песнь песней» **5:16**:

Язык* его сладок,
и весь он, словно награда*.

Ср. пер. И.М. Дьяконова: Не́бо его – услада, и весь он – отрада!

(евр. *хикко мамтакким – вехуллё махамаддим*²)

6:2

²Желанный мой сошел в свой сад,
в цветники благоуханные,
чтобы в садах побродить^{*а},
из лилий букет сложить^{*б}.

(евр. *лир^сот багганним – велиллот шошанним*)

Во-вторых, для евр. поэзии одним из характерных приемов является аллитерация.

Есть только трудность, связанная с тем, что поэтический перевод требует смысловых

¹ Подробности теории еврейского стиха см. комментарии к переводу книг Плач Иеремии. Экклесиаст. Песнь песней / пер. и ком. И.М. Дьяконова, Л.Е. Когана при участии Л.В. Маневича. М., 1998. С. 90–308. Статьи Т. Вевюрко по теории стиха в сборниках Библия: литературные и лингвистические исследования. Выпуск 1. М., 1998. С. 123-150. Выпуск 3. М., 1999. С. 84-107. Статья А. С. Десницкого. Поэзия и проза Ветхого Завета. Статья из интернета 2003 г.

* **5:16** Букв.: *не́бо*.

* **5:16** Букв.: *вожделенен* – здесь передана рифма оригинала.

² Мы осознаем некоторую условность передачи евр. текста русскими буквами.

*^а **6:2** Букв.: *насти*; ср. 2:16; 4:5.

*^б **6:2** Букв.: *нарвать лилий* – здесь передана рифма оригинала..

жертв, т.е. иногда трудно выбрать между адекватной передачей смысла и формы. В нашем Институте перевода Библии это возможно благодаря системе сносок, которые могут выправить потерю смысла.

Например, Иоил 1:10: В оригинале аллитерация: *шудда́д садé, авла́ адамá,*

¹⁰В пепле поля, в золе земля*:

хлеб истреблен, засох виноград, увяла маслина.

Еще мне хотелось бы сказать об эквиритмичности и созвучии. Эквиритмичность – попытка передать размер и величину подлинника. Так в Санкт-Петербургском театре рок-оперы при переводе произведения Эндрю Ллойда Уэббера на русский язык в этом театре было решено не переводить на русский имена английского подлинника, поэтому фраза «Джизус Крайст – суперстар» остается без перевода. Или вот еще примеры из этого перевода:

Кто из вас будут бодрствовать со мной?

Питер, Джон, Джеймс?

Неужели ни один из вас,

Питер, Джон, Джеймс?

Что ж ты, Крайст, присмирел и сник?

Или ты бунтовать отвык?

Вот Он, Крайст, славный наш Джизус Крайст...

С эквиритмичностью в русском языке против еврейского сложно, потому что русские слова в целом длиннее еврейских. Как передать эквиритмично лапидарное еврейское выражение из Песни песней 2:16: *доди ли ваани лё* – любимый мой – мой, а я – его. (Лада – он мой, я – его – уже лишний слог, не говоря о потерях смысловых)

¹⁶Желанный мой – *всецело* мой,

а я – его...

С эквофонией, т.е. с поиском одинаковых созвучий в разных языках, чуть легче, хотя понятно, что в разных языках разный звуковой строй, поэтому-то мы угадываем по

* 1:10 В евр. намеренная аллитерация; букв.: *опустошено поле, горюет земля.*

некоторым специфическим созвучиям языки, которыми можем не владеть и говорить: это похоже на итальянский, или на французский, или на немецкий.

Созвучия, на которых строится поэзия, хочется хотя бы отчасти, малую толику передать, пусть языки и различны.

1:3

ше́мен турак шемéха

аль-кен алямот ахеву́ха

как умещения, что пролили, – твое имя,

то-то девушки по тебе вздыхают*.

1:6

шешшезафáтни хашшáмеш –

што и солнышко на меня загляделось.

2:15

Эхезу-ла́ну шуалим

шуалим кетанним

мехаббелим керамим

¹⁵Изловите нам лисиц,

щенков лисицы, –

виноградники они разоряют.

В свое время я так написал о звукописи еврейского в книге Песнь песней:

Шорох в начале записи –

Так начинается Песнь:

Шир-а-шири́м – духа трапеза,

В ней растворяешься весь.

То ли любовь Соломона,

То ли его это страсть,

То ль разговор двух влюбленных

С долей его прикрас.

* 1:3 Букв.: *тебя девушки любят*; то же в ст. 4.

Нам остаются обрывки,
Клеим их в меру сил.
Звукопись – прошлого скрипка,
Хочешь, ее спроси.
7.09.2006

И конечно же не забудем о богатой русской фольклорной традиции, которая должна прийти нам на помощь, чтобы помочь раскрасить древний текст знакомыми красками. Позволю себе процитировать довольно большой отрывок (9 стихов) из своего перевода Песни песней, где это отчетливо видно: 1:16 – 2:7

Невеста

¹⁶О, как же ты прекрасен, желанный мой,
как пригож!

Под тенью *дерева* трава
пусть будет нам брачным ложем,

¹⁷кровлей дома нашего кедры *станут*,
пологом* – кипарисов *тень*.

2 Я, *невеста*, цветок на лугах Шарона*,
лилия долин.

Жених

²Как лилия среди колючек *необычна*,
так любимая моя – среди дев*.

Невеста

³Словно яблонька в лесу дремучем,
так желанный мой среди мужчин^{*а}.
Я в тени дерева^{*б}, истомившись, присела,
и сладки были плоды его на языке^{*в} моем.

* 1:17 Букв.: *стропилами / стенами*; евр. не совсем ясен.

* 2:1 Или: *равнины*. Шарон – равнина на палестинском побережье Средиземного моря.

* 2:2 Букв.: *дочерей*.

^а 2:3 Букв.: *сыновей*.

^б 2:3 Букв.: *его*.

^в 2:3 Букв.: *нёбе*.

⁴Он привел меня в зал пиروvanья^{*а},
надо мною любовь его – стягом^{*б}.

⁵Подкрепите изюмом^{*} силы мои,
свежесть с яблоком дайте мне –
я любовным недугом больна.

⁶На левой его руке *покоится* моя голова,
а правой – он *нежно* меня ласкает^{*}.

⁷Заклинаю я вас, девы Иерусалима,
сернами или ланями полевыми^{*},
не будите любовь,
не пробуждайте ее *совершенно*,
пока сама она того не пожелает.

И напоследок я хотел бы представить свои опыты по переводу небольшого поэтического отрывка из книги Чисел. Речь о «Песни о колодце» (Числ 21:17, 1). Я хотел бы представить слушателям 4 варианта перевода этого отрывка, об особенностях каждого варианта скажу чуть позже.

али́ веэр
поднимайся колодец / яма

эну́ ля 4 + 3
кличьте / шумите / пойте ему (ей)

беэр хафару́на сарим 2 + 4 + 2
колодец, его выкопали вожди
! " # \$ % &'

кару́на недивé хаам 3 + 3 + 2
вырыли его знатные народа
() * + , - - .,

^{*а} 2:4 Букв.: *в дом вина*, т.е. туда, где пируют.

^{*б} 2:4 Друг. чтение: *любовь свою предо мною представил*; так в LXX. Возможно, имеется в виду не знамя, стяг в привычном смысле, а знак-эмблема племени (ср. Числ 1:52).

^{*} 2:5 Или: *изюмной пастилóй / лепешкой*.

^{*} 2:6 Или: *обнимает*.

^{*} 2:7 Древн. переводы: *силами и мощью полей*.

бимхокек бемишанотам 3 + 5 = 8 + 8 + 8

скипетрами, жезлами своими

Первый образец, это силлабический образец, где точно передано количество слогов оригинала (без точного места ударения)

Пóлнись, кла́дезь!

Пе́сню пой!

Кла́дезь вы́копали вожди́,

вы́рыла знать из наро́да

ски́петрами, по́сохами.

Тонический образец – где передано количество слов

Наполня́йся, коло́дец!

По́йте ему́!

Коло́дец вы́копали вожди́,

вы́рыли лю́ди именитые

ски́петрами, жезла́ми.

Силлабо-тонический образец без рифмы (четырёхстопный ямб)

Колодец, наполня́йся,

Пой песню в честь него.

Вожди его копали,

Изрыла знать земли

Жезла́ми и шеста́ми.

Силлабо-тонический образец с рифмой (с перебивом размера)

«Колодец, наполня́йся!» –

Ты песню эту пой.

Трудились не напрасно

Начальники над тобой:

Копали-то жезлами,

Рыли-то шеста́ми.

Вот четыре варианта, и какой из них больше подойдет для современника в качества поэтического образца? Что слушатель, имею в виду массового слушателя, не причастного

к делу перевода еврейской поэзии, примет охотнее как поэзию, а не штудию. Что для него будет ближе?

Кажется, что тоника, а точнее акцентный стих подходит на роль поэтического эквивалента лучше всего, но для слушателя она может выглядеть как экспериментальная поэзия, даже модернизм. Согласитесь, что это не лучшее отношение к архаической поэзии, когда для современника нашего ветхозаветная поэзия будет звучать как модернистская.

И тут рифмованная поэзия приходит на помощь. Как говорил Наум Исаевич Гребнёв, переведший всю книгу Псалтырь на русский язык в стихах (у меня публикация издательской фирмы «Восточной литературы» РАН «Школа-пресс», М., 1994, послесловие С.С. Аверинцева): «В русской поэзии должны быть рифмы!» С.С. Аверинцев дополняет это свое воспоминание такими словами: «В обиходе традиционного русского стиха – все честь честью, с ямбами, с рифмами, – может быть благородный уют, трогающий сердце. Но для этого надо, чтобы освященные временем формы не были механически восприняты, но являлись с той естественностью, которой не подделаешь. Не рутинная и не стилизация – навык сердца. Благородный уют русского стиха жил в творчестве Н.И. Гребнева... Я думаю, что новые поколения захотят пережить резкую сжатость и первозданную древность способа выражения, присущего поэтике псалмов в оригинале, оставив мысли о классицистской высокости, о цивилизованном уюте старого русского стиха. Но если переложения Гребнева – и впрямь последние в ряду, то завершают они ряд достойно. Их родство с классическими переложениями подлинное. Они несут приметы семейного сходства».

Приложения.

Псалом 1. Переложение Н.И. Гребнева.

Блажен тот муж, который с малых лет
Сойти с пути греха себя неволит,
Не держит с развратителем совет,
Не делит с нечестивыми застолья.
Но мыслит благодарно и блаженно
Лишь о законе Бога ночеденно.

Да будет то, кто благодать обрел,

Возросшим, будто бы широкий ствол
При щедрых водах бурного потока.
Лист этого ствола не станет желт,
И не поникнет ветвь его до срока.

А нечестивцы будут, словно прах,
Развеяны на всех земных ветрах,
Средь праведных нет места для лукавых,
И на суде к ним помощь не придет,
Ибо Господь с заоблачных высот
Благословит путь праведных и правых,
А путь неправедного пресечет.

1 Ашере-гайш + †

Благо человеку

ашер 01

который

лѣ гáлях^е баáцат решаím + 8 34/ 5/6 78

не ходит по совету беззаконных

уведѣрех хатгайм лѣ áмад # ,) 78 9 6,"

и на дороге грешников не стоит

увемошáв леци́м лѣ яшáв †< 7 3= † ,

и в собрании кощунников не сидит

2 ки íм '?

НО ТОЛЬКО

бетора́т ЙГВГ̃ (адонай) хеф^ецѡ > 8 ;2 0A † (

в законе Г-да воля/желание его

уветора́то йеѣеггѣ йома́м валяи^ела \$0B > 0A † (E

и о законе Его размышляет / произносит он днем и ночью

3 вега́я кеэ́ц 5F' <0B

он – как дерево

шатуль аль-пальгэ маим <88/ / 4

насажденное у потока воды

áшер 01

которое

пир'ё йиттён бейтто > K K M N > O \$!

плод приносит вовремя

веалегу лё-йиббóль >P 7B @

и лист его не вянет

веколь áшер-яасэ яц'лиа / 3Q ;"Q † F@.

и во всем, что бы ни делал, успешен

4 лё-хен гарешайм)+ \$ LR 8

не так беззаконные

ки им-каммоц FS /= '

но только мякина

áшер-тиддепэнну ру'х / B TUK †

которую развеивает ветер

5 аль-кен N L /

потому

лё-якуму решайм баммишпáт V IS / +\$. , <W

не будут стоять беззаконные на суде

вехаттайм баадáт цаддиким -BU/ (3# / 9 @=

и грешники – в обществе праведников

6 ки-йодэ ЙГВГ (адонай) дэрех цаддиким -PU/ BU" @\$: #> /'

ведь знает Г-дь путь праведников

ведэрех решайм товэд # K . † \$ @

а путь беззаконных исчезнет

1 Ашере-ҕайш/

ашер

лө ҕалях^е баацат решаим
уведерех хаттаим лө амад
увемоша́в леци́м лө яша́в

2 ки им

беторат ЙГВГ̃ (адонай) хеф^ецо́
уветорато йеҕегге йомам валяи^ела́

3 веҕая кеэц

шатуль аль-пальге́ маим
ашер
пир'ё йиттен бейтго
веалеҕу лө-йиббо́ль
веколь ашер-яасэ яц^ели́а

4 лө-хен ҕарешайм

ки им-каммо́ц
ашер-тиддепенну ру^ах

5 аль-кен

лө-яку́му решаим баммишпат
вехаттаим баадат цаддиким

6 ки-йодэ ЙГВГ̃ (адонай) дерех цаддиким

ведерех решаим товэд

1 Благо человеку

который

не ходит по совету беззаконных
и на дороге грешников не стоит
и в собрании кощунников не сидит

2 но только

в законе Г-да воля его
и о законе Его размышляет он днем и ночью

3 он – как дерево

насажденное у потока воды

которое
 плод приносит вовремя
 и лист его не вянет
и во всем, что бы ни делал, успешен
4 не так беззаконные
 но только мякина
 которую развеивает ветер
5 потому
 не будут стоять беззаконные на суде
 и грешники – в обществе праведников
6 ведь знает Г-дь путь праведников
 а путь беззаконных исчезнет

Псалом 1. Переложение И.В. Лобанова

¹ Отрадна жизнь такого человека,
Который не поступит по совету
Погрязших в беззаконии своем,
Он на тропу не станет нечестивцев,
Не сядет с теми, кто готов глумиться
Над всем, что свято в мире сем большом.

² Но познавать закон он не устанет –
Он Господа взыскует постоянно,
И днем и ночью Слово на устах.

³ И древу, что у вод живых, подобен –
С плодами в свой черед, с прекрасной кроной,
Любое дело спорится в руках.

⁴ У беззаконных счастья нет такого –
Они пусты, бесплодны, что полова:
Ее уносит ветер на току.

⁵ Не будет беззаконным оправданья,
Нет нечестивым места среди созданий,
Ради которых Бог Собою рискнул.

⁶ В руках Его пути Его созданий –
Путь беззаконных втуне пропадает.

Из дискуссии на сайте Стихи.ру (по поводу стихотворных переводов отдельных псалмов Сергеем Никулиным):

«Не совсем понятен, правда, смысл стихотворных рифмованных парафразов псалмов (я имею в виду смысл для религиозной соборности), но для бытовых поэтических нужд такое переложение не бессмысленно. Если не ошибаюсь, первым переложил ряд псалмов в рифму англичанин Мильтон. Главное здесь, я считаю, не поступаясь выразительностью, сохранить адекватность изначальному смыслу.

Да, думаю для обрядных целей парафразы не имеют никакой ценности. Более того, они в том смысле вредны. Но для храма, который в душе, надеюсь, они отнюдь не вредны.

Псалмы, будучи изначально текстами для пения, многое теряют, будучи изложенными прозой».

Необходимые словарные определения:

Аллитерация – литературный приём, состоящий в повторении одного или нескольких звуков.

Ср. определение из Литературной энциклопедии: АЛЛИТЕРАЦИЯ — в узком (лингвистическом) смысле — особый, канонизованный в некоторых (особенно «народных») лит-рах, прием поэтической техники (или — фонетической организации стиха); иначе говоря — один из видов «звукового повтора», отличающийся от прочих видов, в частности от *рифмы* (см.), 1) тем, что тождественные (повторяющиеся) звуки локализируются не в конце, а в начале стиха и слова (тогда как в *рифме* повторяются или *корреспондируют* концы стихов, а следовательно и слов); 2) тем, что материалом повтора, т. е. повторяющимися или *корреспондирующими* звуками, оказываются в большинстве случаев и гл. обр., *согласные*. Последнее обстоятельство дало повод к упрощенному пониманию термина А. как всякого повтора *согласных* [в отличие от *ассонанса* (см.) — повтора или созвучия гласных]. Т. к. большинство яз., в поэтике к-рых канонизована (т. е. принята в качестве обязательного приема — наподобие напр. рифмы в русском стихе) А., в частности яз. финские [напр. суоми — в эпосе *Калевала* (см.), эстонский в эпосе Калеви — поэт] и германские [ср. *древнегерманский аллитерационный стих* (см.)], обладают законом начального ударения (на первом слоге), то выбор А. в качестве основного

технического приема поэзии можно поставить в связь именно с этим законом. До известной степени это применимо и к якутскому яз., также канонизовавшему А. в своей народной, а за последнее время и искусственной поэзии, и др. алтайским яз. В русской поэзии А. ограничивается ролью факультативного (не канонизованного) приема; подчеркнуто ею пользуются лишь некоторые поэты [*Бальмонт* (см.) (чуждый чарам черный челн), *Маяковский* (см.)], и то в большинстве относимых к А. случаев мы видим на самом деле не А. в узком смысле, а лишь насыщенные случаи согласных повторов, напр. «Где роща ржуща ружей ржет».

ТОНИЧЕСКИЙ СТИХ – стих, организованный определенным количеством ударных слов в стихе, причем количество слогов от ударения до ударения остается произвольным.

ЭКВИРИТМИЧНОСТЬ (от лат. *aequus* — равный и греч. **ῥυθμός** — ритм) — соблюдение в переводном стихотворении ритмического рисунка оригинала. На практике Э. может быть лишь приблизительной; полное совпадение ритма (но не стихотворного размера) подлинника и переводного стихотворения, т. е. калькирование ритма, невозможно без ущерба для содержания (Поэтический словарь Квятковского).

После доклада прозвучало предложение обратить внимание на русские духовные стихи. Помещаю здесь отрывок из статьи о русских духовных стихах и два варианта Голубиной книги. Прошу прощения за некоторые антисемитские выражения в текстах духовных стихов.

Высокопреосвященнейший Иоанн,
митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

САМОДЕРЖАВИЕ ДУХА

"ПОЙТЕ ГОСПОДЕВИ ВСЯ ЗЕМЛЯ..."

РУССКИЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ

УДИВИТЕЛЬНОЙ ЯСНОСТЬЮ понимания и глубиной постижения религиозных вопросов поражают русские духовные стихи. Время их появления установить с достаточной точностью затруднительно, можно лишь уверенно утверждать, что пелись они "каликами переходжими" на Святой Руси с незапамятных времен. В той форме, в которой стихи эти дошли до нас, они существовали уже в XV-XVI веках. На это время –

учитывая общий духовный подъем в России – приходится и расцвет русской духовной поэзии.

Духовными стихами в русской словесности называют народные песни на религиозные сюжеты. Песни эти пелись бродячими певцами-странниками на ярмарках, базарных площадях, у ворот монастырских церквей – везде, где находилось достаточное число благочестивых слушателей. О любви русского человека к такой форме религиозного самовыражения достаточно говорит тот факт, что вплоть до начала XX века духовный стих бытует гораздо шире, чем даже былины. По сравнению с героическим эпосом религиозная поэзия проявляет гораздо большую жизненность. Если "старинушки" о "святोरусских богатырях" со временем остаются в репертуаре народных певцов преимущественно на севере России, то духовный стих продолжает сохраняться почти на всем протяжении земли Русской.

Высота религиозного чувства и обширность познаний, отраженные в стихах, столь резко обличают несостоятельность точки зрения на русскую историю, предполагающей "темноту" и "невежество" средневековой Руси, что исследователи XIX – XX веков вынуждены были придумывать самые неуклюжие объяснения, дабы спасти честь "исторической науки".

"В основе духовных стихов всегда лежали книжные повести", – уверенно заявляет один из них. "Можно ли утверждать, что все эти понятия и сведения, передаваемые духовными стихами, были вместе с тем общим достоянием народа? ... Разумеется, нет!", – вторит ему другой. Допустим, так, но только чем тогда объяснить, что на протяжении столетий, из поколения в поколение передавая искусство духовного пения, народ с такой удивительной любовью и постоянством поет то, чего не понимает? На деле, конечно же, все обстояло иначе. И чтобы понять это, даже не надо быть ученым-фольклористом. Достаточно просто быть церковным, от сердца верующим человеком. Тогда станет понятно, что народ пел от полноты сердечного чувства, созидая духовную поэзию как молитву, под благодатным покровом покаяния и умиления, свидетельствуя тем о богатстве своего соборного опыта, поднимавшегося в иные мгновения до вершин истинно святоотеческой чистоты и ясности.

Певец духовных стихов не умствует лукаво, не "растекается мыслию по древу" немощного человеческого рассуждения. Он – верует:

А я верую самому Христу, Царю небесному,
Его Матери Пресвятой Богородице,
Святой Троице неразделимой....

Живя в мире церковного опыта, народ твердо знает, что вся вселенная управляется всемогущим промыслом Всеблагого Бога:

Основана земля Святым Духом,	Зори белая от очей Божьих,
А содержится Словом Божиим.	Звезды частыя – то от риз Его,
И – о том же, еще поэтичнее:	Ветры буйные – от Свята Духа...
У нас белый свет взят от Господа,	Роса утренняя, дробен дождик
Солнце красное от лица Божия,	От слез Его, самого Христа.
Млад-светел месяц от груди Его,	

Нелепо искать в духовных стихах богословски точных, догматически выверенных формулировок. Вообще ученость – как принадлежность рассудка – не может служить показателем духовной зрелости и мудрости. Зато их недвусмысленно подтверждает благоговейно-сыновнее, трепетное и любовное отношение ко Спасителю, составляющее главный нерв народной веры.

"Ох Ты гой еси, Батюшка наш, Иисус Христос!" – обращаются ко Господу в детской простоте певцы стихов. При этом религиозное целомудрие народа, чувствующего в земной жизни Спасителя высокий, таинственный мистический смысл, почти никогда не позволяет себе касаться ее подробно в сюжетах песен.

Острое сознание своей греховности, своего нравственного несовершенства, питая дух покаяния, разрешило народному творчеству одну тему – тему страстей Господних, Его невинных страданий, которыми Сын Божий искупил грехи человеческие.

В нее вложил русский человек всю силу своего сердечного чувства, весь поэтический дар своей души:

Над той над рекой над Иорданью,
На крутом, на красном бережочке,
Вырастало древо купарисо;
На том на древе купарисе
Там чуден Крест проявился...
На том Кресте Животворящем
Там жиды Христа мучили-распинали.

Так тесно соединил народ в своем сознании судьбу России со Христом и Его учением, что есть даже стихи, говорящие о распятии Господа "во Русеи" – ибо где же, как не на Святой Руси, происходит Таинству Искупления? Плачет Русь у подножия Креста Господня. Плачет, повторяя слова Спасителя, обращенные ко Пресвятой Богородице:

По Мне, Мати, плачут небо и земля,

По Мне, Мати, плачут солнце и луна,

По Мне, Мати, плачут реки и моря,

По Мне, Мати, плачут старики-старицы,

По Мне, Мати, плачут вдовы-сироты. В благоговейном страхе певец не смеет даже пристально вглядываться в страдания Христовы. В стихах мало подробностей, есть несоответствия с евангельскими текстами. Зато сколько в них живого религиозного чувства! Воистину это всенародный "плач сердца", о котором, как о состоянии благодатно-высоком, часто писали в своих творениях Святые Отцы:

И тут проклятые Христу плащаницу сковали,

Христа в плащаницу клали,

Обручи набивали

И оловом заливали...

Желтыми песками засыпали,

Каменными горами закатали,

Горючими камнями завалили...

В третий день Христос воскрес...

Вставал наш батюшка

Истинный Христос, Отец Небесный. Сознание, что человек искуплен от греха высочайшей, безмерной ценой вольных страданий Божиих, рождает сознание огромной личной религиозной ответственности: Со страхом мы, братие, восплачемся:

Мучения – страдания Иисуса Христа.

Восплачемся на всяк день и покаемся,

И Господь услышит покаяние,

За что и нам дарует Царствие Свое,

Радости и веселию не будет конца.

Спасение души – смысл жизни человеческой, Этой главной цели подчиняется, в идеале, вся народная жизнь. Русь не потому "святая", что живут на ней сплошные

праведники, а потому, что стремление к святости, к сердечной чистоте и духовному совершенству составляет главное содержание и оправдание ее существования.

Это ощущение всенародного религиозного служения столь сильно, что понятие "Святая Русь" приобретает в русских духовных стихах вселенское, космическое звучание. Святая Русь есть место – понимаемое не узкогеографически, но духовно, – где совершается таинство домостроительства человеческого спасения. Такова ее промыслительная роль, и народ русский есть народ-богоносец в той мере, в которой он соответствует этому высокому призванию.

"По Святой Руси" скитается Богородица в поисках распятого Христа. На Руси происходит мучение Егория (Георгия Победоносца) царем Демьянищем (императором Диоклетианом), в действительности имевшее место в Риме, в 303 году по Рождеству Христову. "Не бывать Егорыч на Святой Руси", – скорбит о своем герое певец. "Выходил Егорий на Святую Русь", – радуется он освобождению героя. Другой святой воин – Феодор Тирон (Тирянин), умученный при императоре Максимилиане около 305 года по Рождеству Христову, в одном из вариантов стиха идет "очистить землю святорусскую" от несметной "силы жидовской". Причем, в отличие от героического эпоса былин, даже сама битва за Святую Русь носит черты духовной брани. С Евангелием отправляется святой Феодор на борьбу:

Он пошел в Божию церковь,
Он и взял книгу евангельскую,
Он пошел ко синю морю,
Он читает книгу, сам мешается,
Горючьми слезами заливается.

Даже в самой битве его оружие "книга, крест и Евангелие". Подобно Феодору, и Егорий Храбрый, очищая Русскую землю от нечисти, не сражается, а силой своего слова укрощает стихии и устрояет землю. Это очень показательно – и в ратном подвиге, в доблестных воинах народ прежде всего чтит святых, страдальцев и страсотерпцев.

Русь в духовных стихах становится местом действия лиц из священной истории Нового Завета:

Посылает Ирод-царь посланников
По всей земле святорусской.
Рай – и тот созидается на Русской земле, как поется об этом в "Плаче Адама":
Прекрасное солнце
В раю осветило
Святорусскую землю.

Но это не гордыня. В стихах нет и намека на утверждение своей национальной исключительности. Вопросы национальной принадлежности вообще не занимают певцов. Вера и верность, чистота и полнота исповедания Православного вероучения – вот единственные значимые для них человеческие качества. С ними связана особая судьба России, русского народа и Православного царя – Помазанника Божия. Вот как говорит об этом знаменитая "Голубиная книга":

А сама книга распечаталась,
Слова Божии прочитались:
У нас белый царь над царями царь.
Почему белый царь над царями царь?
Он принял, царь, веру хрещёную,
Хрещёную, Православную,
Он и верует единой Троицы,
Единой Троицы неразделимая:
Потому тот царь над царями царь.

Пусть тяжела русская судьба, полон скорбей и теснот путь служения "святорусского" – верность своему долгу не остается без небесного воздаяния. Эта мысль характерна для духовного стиха. Особенно показательно, что подтверждения берутся из реального исторического опыта народа:

По тому ль полю Куликову
Ходит сама Мать Пресвятая Богородица,
А за ней апостоли Господни,
Архангели-ангели святыи...
Отпевают они мощи православных,
Кадит на них сама Мать Пресвятая Богородица.

К Матери Божией на Руси отношение испокон веку было особенно трепетным и ласковым – не зря называли Русскую землю Домом Пресвятой Богородицы. Ощущение этой особой близости, особого почтения и одновременно дерзновения не могло не отразиться и в духовной поэзии. "Вся тоска страдающего человечества, все умиление перед миром божественным, которые не смеют излиться перед Христом в силу религиозного страха, свободно и любовно истекают на Богоматерь, – пишет современный исследователь. – Вознесенная в мир божественный... Она, с другой стороны, остается связанной с человечеством, страждущей матерью и заступницей".

Самые нежные и трогательные слова посвящает Ей певец, обращаясь к Ней в дерзновении искренности и простоты, как к собственной матери – ласковой и близкой:

Мать моя – Матушка Мария,
Пречистая Дева, Пресвятая,
Свет Мати Мария,
Пресвятая Богородица,
Солнце красное,
Пречистая голубица,
Мати Божжа, Богородица,
Скорая помощница,
Теплая заступница,
Заступи, спаси и помилуй...
Мир, освященный кровью Христа, освящен и слезами Его Матери:

А Плакун трава всем травам мати.
Почему Плакун трава всем травам мати?

Мать Пречистая Богородица
По своем по Сыне по возлюбленном,
По своем по Сыне слёзно плакала.
А роняла слёзы на землю пречистыя,
А от тех от слез от пречистых
Зараждалася Плавун трава – травам мати.

Событиями Священной истории обусловлена жизнь мира. Не только земля и растения, но и человеческое общежитие – его устройство и бытие – укоренены в мистической библейской первооснове. Русское общество четко и ясно признавало эту связь, освящая сословное деление как деление единого для всех религиозного долга, а сами сословия – как церковные послушания, разные пути "израбатывания" спасения души:

От того у нас в земле цари пошли
От святой главы от Адамовой;
От того зачались князья-бояры
От святых мощей от Адамовых;
От того крестьяне православные
От свята колена от Адамова.

Это благоговейное отношение к миру земному вовсе не означает, однако, его идеализации. Чуткая народная совесть безошибочно определяет грех – искажение, искривление Божественного порядка вещей – как первопричину мирских неустойств:

От Кривды земля восколебалася,
От того народ весь возмущается;

От Кривды стал народ неправильный,
Неправильный, злопамятный:
Они друг друга обмануть хотят,
Друг друга поесть хотят.
При свете церковного вероучения видней и собственные изьяны, собственное
недостойство:

Дает нам Господь много,
Нам кажется мало:
Ничем мы не насытимся...
Очи наши – ямы,
Руки наши – грабли,
Очи завидущи,
А руки загребущи.

Особенной укоризны заслуживает уклонение от исполнения своего религиозного
долга:

Вы за хрест, за молитву не стояли,
Господней вы воли не творили,
Господни заповеди нарушали,
Земных поклонов не кладали.

Однако нравственное несовершенство человека исправимо. Путь исправления – путь христианского подвижничества, путь православной аскезы. При общей целомудренной строгости народной жизни аскетические подвиги вызывают у певцов особое уважение, описываются с особой любовью. В описаниях "пустынного жития" – на удивление (для постороннего взгляда) поэтичных и ласковых – отражается богатейший благодатный духовный опыт русского благочестия, монашеского и мирского, внешне различный, но единый в сокровенных, таинственных глубинах мистической жизни Церкви. Так идет спасаться в девственную пустыню молодой царевич Иоасаф:

Научи меня, мать пустыня,
Как Божью волю творити,
Достави меня, пустыня,
К своему небесному царствию.

Красота пустыни – главная тема стиха. В некоторых вариантах он так и начинается: "Стояла мать прекрасная пустыня". Однако красота эта безгрешная, духовная, неземная:

Тебя, мать пустыня,
Все архангелы хвалят...

Трудничество – вот самое постоянное выражение, которым народ отмечает православную аскезу. "Трудник, трудничек, тружданик, труженик, тружельник", – так именуется народ подвижников. "Со младости лет Богу потрудиться", жаждут герои русских духовных стихов. Их подробное исследование еще ждет своего часа. И все же в области религиозно-нравственной, в области народного самосознания их свидетельство беспрекословно – к моменту расцвета духовной поэзии русский народ ясно и безоговорочно признавал смысл своего существования в том, чтобы "Богу потрудиться", то есть привести свою жизнь в возможно более полное соответствие с Заповедями Божиими и промыслительным Его смотрением о земле Русской. Вместе с героями своих любимых песен всю свою надежду в этом святом деле возлагает народ на помощь свыше:

Я надеюсь, сударь батюшка,
На Спаса на Пречистого,
На Мать Божию Богородицу,
На всю силу небесную,
На книгу Евангелия...

Надежда эта и донныне помогает народу нашему претерпевать скорби его нелегкого, исповеднического пути...

Голубиная книга

Исус Христос, сам Небесной Царь,
Опричь царства Московского».